

зволяют определять происхождение каждого отдельного предмета (так как традиция, существовавшая в Сирии и Римской империи, в Египте и самом Риме, определяла выбор сырья, соотношения, правила составления, рецептуру получаемой стеклянной массы), докладчица, основываясь на изучении химического состава мозаичных кубиков с нескольких поздне-римских и ранневизантийских памятников, сохранившихся на территории современной Армении и в Болгарии, показала, что для мозаичных полотен там использовалась смальта разного происхождения (из Египта, поставлявшего смальту оранжевого, красного и желтого цвета, из Сирии), хотя основная часть делалась в собственных мастерских, работавших в традициях провинциально-римского стеклоделия. Если производство смальты в Византийской империи было рассредоточено, то ее распределение, как это явствует из документов более позднего времени, было, скорее всего, централизовано и регламентировано.

А. Я. Каковкин в докладе «Ветхозаветная тематика в коптском искусстве» отметил прежде всего те важнейшие факторы, которые обусловили своеобразный характер христианства в долине Нила и специфику развития там христианского, «коптского» искусства, и констатировал распространение в коптском искусстве с конца IV—V в. христианских сюжетов с преобладающей ролью в них ветхозаветных сцен. Причины широкого распространения и длительного бытования (конец IV—XII в.) в коптском искусстве сюжетов и героев Ветхого завета крылись, по мнению докладчика, в их емком символизме, сильном воздействии диаспоры (особенно в период формирования и укрепления новой религии) и популярности ряда героев Ветхого завета у арабов, подчинивших себе Египет в 641 г.; символика ветхозаветных изображений в Египте нашла соответствия в исконной местной традиции — древнеегипетских эсхатологических и сoterиологических представлениях.

В докладе «Византийский эпос и ветхозаветная историко-культурная традиция (Сопоставление треноса в византийском парафольклоре и Ветхом завете)» Т. В. Попова пришла к выводу, что ветхозаветная историко-культурная традиция проявилась в памятниках византийского парафольклора на трех уровнях: жанровой формы, поэтических образов и некоторых приемов описания.

Сравнительно-филологический анализ сирийского и греческого текстов оригинала Жития Алексея привел А. В. Пайкову к заключению, что не только первое сказание об Алексее, но и второе (вопреки единодушному мнению исследователей) является сирийским по своему происхождению и еще раз свидетельствует о весомом вкладе сирийцев в сокровищницу общевизантийской культуры.

В докладе О. Р. Бородина (Москва) «Перуджанская сумма — малоизученный источник по истории средневековой Италии» была проведена сверка статей этого юридического памятника VII в. (практического пособия, составленного в византийской зоне Италии и представляющего собой подробный конспект первых восьми книг Кодекса Юстиниана) с соответствующими статьями Кодекса для выявления между ними различий в целях получения информации по раннесредневековой истории Италии.

Ряд выступлений был посвящен различным аспектам духовной и материальной культуры собственно Византии, а также ее социально-экономической и политической истории.

А. И. Сидоров в докладе «Двенадцать ортодоксальных глав» Ефрема Антиохийского (Из истории идейной борьбы в Византии в первой половине VI в.)» подверг анализу изложенные в виде анафематизмов догматические тезисы этого патриарха и писателя. По мнению докладчика, значительный удельный вес антинесторианской полемики в «Главах» Ефрема (как и у многих неохалкидонитов) не позволяет согласиться с общепринятым взглядом, что несторианство, вытесненное после Халкидонского собора в Персию, не представляло реальной угрозы для византийской православной церкви VI в. Что касается борьбы Ефрема против монофиси-